

СИМВОЛИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Ю.Д. Злобин

Представлен анализ народных волшебных сказок, героями которых являются люди пожилого возраста. Исследуется последовательность развития личности главного героя, символизирующего процесс трансформации Эго. Волшебные сказки отличает «народная мудрость», в которой содержатся сведения о психологии людей пожилого возраста. Характерным становится парадоксальное поведение, способность освободиться от иллюзий и личных амбиций.

Ключевые слова: народная волшебная сказка; задачи второй половины жизни; парадоксальное поведение; ноуменальный опыт; освобождение от иллюзий.

Народная волшебная сказка – повествовательное произведение о вымышленных лицах и событиях с участием волшебных, фантастических сил. Как фольклорный жанр, волшебная сказка запечатлела в своей основе идеи и представления, сложившиеся в народном сознании. Мифы, былины и сказки вобрали в себя опыт осмысления конфликтов, возникающих в индивидуальном сознании, но как образы испокон веку наличного всеобщего [15]. Сохранившиеся в современной культуре архаичные элементы обеспечивают целостность и устойчивость мировоззренческих основ, определяющих порядок и смысл человеческого существования. «Каждый фольклорный жанр выражает отношение к жизни посредством сориентированных определённым образом чувств, представлений и мыслей, сохраняющих не только представления, но и их мотивировку» [5].

При всей фантастичности описываемого сказочной историей, с психологической точки зрения, не существует событий, не имеющих смысла. Следовательно, стоит задача расшифровки образного языка сказок и адекватного понимания символов. Можно допустить, что основа сюжета, последовательность событий, главная цель, к которой стремится герой волшебной сказки – протагонист (англ. protagonist – главный герой произведения), всегда определяются его самой неудовлетворённой потребностью: «Главный герой волшебной народной сказки представляет заботы Эго, его зрелость и стойкость» [16].

Народная волшебная сказка в сохранившемся подлинном своем тексте, содержит ключ к пониманию общих закономерностей

процесса формирования человеческой личности и является способом воплощения этих представлений для современного слушателя (читателя). Её богатая символика отражает и представляет глубинные психические основания, ответственные за процесс развития личности.

Внутренние психологические особенности героев волшебной сказки раскрывают себя, прежде всего, в поступках и действиях, определяющих порядок и строй их жизни. «Основным способом раскрытия характера сказочных героев является действие и особенности отношений» [4]. Кроме того, описание внешних признаков и атрибутов персонажей также является общефольклорным приёмом раскрытия образа. Изменения, происходящие с главными героями сказок, по ходу развития сюжета волшебной истории задают форму психическому содержанию и являются способом понимания происходящего.

Прослеживая закономерности трансформации образа сказочного героя, можно приблизиться к постижению психологических оснований развития личности персонажа.

В широком смысле развитие личности рассматривается с разных точек зрения, но всегда как процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, например:

- по Л.А. Венгеру это переход от низших духовных качеств к высшим, от одного качественного состояния способностей к другому [2];
- по А.В. Запорожцу – доведение до более высокой степени зрелости своих отношений с окружающими [6];

- по Э. Эриксону – достижение определённого отношения человека к действительности [14];

- по А.Н. Леонтьеву – разворачивание новой ведущей деятельности, появление познавательных задач внутри неё [8].

Кроме того, каждая возрастная стадия в жизни человека рассматривается, как момент изменения, как критический период повышенной уязвимости, с одной стороны, и возросших потенций – с другой. Развитие личности – это всегда появление новой конфигурации личностных качеств, всегда трансформация существующей системы [12].

Итак, волшебная сказка содержит символы, связанные с потребностями возраста. Главный герой, молодой и старый, представляют Эго и индивидуальность. Молодые, в период его формирования, тогда как старый протагонист отражает заботы зрелого Эго [16].

Система персонажей волшебной сказки мотивируется идейным заданием сказок [5]. Сказки содержат указания на то, что изменения, происходящие с героем волшебной истории, имеют специфическое значение для общего хода формирования человеческой личности, они отражают качественное своеобразие последовательных возрастных периодов, опыт прохождения кризисных этапов и развития Эго главного героя. В частности, при описании молодых и пожилых героев подчёркиваются отличительные признаки их образов. Уже поверхностный анализ сказочных сюжетов позволяет заметить отличия в изменениях, происходящих с молодым и пожилым протагонистом.

Молодой герой или героиня ищут встречи с волшебным, непознаваемым, ноуменальным (от гр. *noimēnon* – непознаваемый обычной логикой) объектом. В ходе выполнения своей задачи они развивают таланты, приобретают новые навыки, преодолевают различные опасности. Во многом «сказки о молодых» сфокусированы на личных, индивидуальных задачах своих героев. Пожилые герои, встречающиеся в этих сказках, выполняют функции традиционных помощников протагониста и дарителей, оставаясь персонажами второго плана.

Действительно, пожилые люди реже представлены в качестве главного героя волшебной сказки. «Только 2 % волшебных сказок из 2500 опубликованных в европейских собраниях сказочного фольклора (в основном это сказки, собранные братьями Гримм) представляют в качестве протагониста пожилого человека» [16]. При этом большая часть ска-

зок о старшем поколении пришла из восточных источников: Япония, Индия, Аравия.

Знакомство с материалом восточнославянских и русских народных волшебных сказок позволяет утверждать, что пожилой протагонист встречается в них сравнительно часто, поэтому в распоряжении исследователей имеется достаточно много фольклорного материала, позволяющего рассмотреть своеобразие личности пожилого героя волшебной сказки.

Следует пояснить, что в фольклористике существует проблема идентификации возраста сказочного героя. Выражение «старый человек» остаётся неопределённым потому, что волшебные сказки только в общих чертах указывают на возрастные характеристики своих главных героев. Каждый человек будет «молодым», «старым» либо в тексте отсутствуют какие-либо указания на его возраст. В немногочисленных исследованиях этой характеристики протагониста приводится точка зрения, что категория «старый» включает в себя людей в возрасте от пятидесяти лет и старше [11]. Пятьдесят лет – это возраст, совпадающий с этапом жизни человека, определяемым как возрастная стадия, ответственная за обретение индивидом способности «быть самим собой» и достижение «покоя и уравновешенности» [14].

Таким образом, сказки о пожилых людях могут концентрировать в себе коллективную народную мудрость, символизируя общую последовательность изменений в порядке реализации задач позднего этапа жизни. Целью символического процесса, в который вовлечён пожилой протагонист, является в конечном итоге просветление или высшая сознательность. К.Г. Юнг рассматривает просветление как спасение от мирских заблуждений. Например, «умирание для себя» согласно феноменологии шаманизма соответствует отсечению Эго, превращению протагониста в целителя [15]. Народная волшебная сказка предлагает своему слушателю и читателю именно такие ситуации преодоления и достижения, поскольку судьба протагониста зависит от происходящей с ним трансформации.

Сказки о пожилых обычно начинаются с такого сценария: один старый человек жил в большой бедности, но натолкнулся на что-то сверхъестественное. Но пожилой герой волшебной сказки чаще всего не идёт на поиски счастья, он не сражается за ноуменальный дар, как это происходит в сказках с молодым протагонистом. Можно утверждать, что ха-

рактерной особенностью пожилого героя является его сравнительная пассивность.

Например, русская народная сказка «Грош» содержит достаточно типичный эпизод, в котором старик буквально спотыкается о чудесный предмет в ходе своей обычной работы.

Вот жили-были старик со старушкой. У них никого не бывало – ни детей, никого, одни они жили. Поехал старичок по дрова. Поехал по дрова, ударил пенёк – выскочил Грош: «Ну, что, – говорит, – дедушка, хошь?» [3].

Подобного рода сюжетная линия показывает, что пожилой герой волшебной сказки получает вознаграждение, даже не обнаружив осознанной цели получить его, не прилагая активных усилий.

Этот факт обращает на себя внимание, поскольку в качестве одного из характерных психологических препятствий поступательного развития личности является проявление человеком пассивности, неспособности принять на себя активную роль [7, 9, 12].

Сказки о пожилых, помимо упоминания о характерной их пассивности, указывают на наивность своих героев. Последняя проявляется, как правило, удовлетворенностью этих героев естественным ходом событий, что позволяет героям давать возможность событиям течь своим чередом.

В качестве примера, иллюстрирующего такую особенность, рассмотрим один из наиболее часто встречающихся сюжетов – появление чудесного ребёнка.

У старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, стали качать да прибаюкивать:

– Спи-тко усни, дитя Терёшечка, ... и вместо колодочки стал расти сыночек [10].

Появление ребёнка у пожилых людей само по себе воспринимается как нечаянная награда. За что же они были вознаграждены? Старики проявили интерес к последующему поколению. Обращает на себя внимание, что интерес этот реализуется стариками своеобразно: безусловное стремление вырастить ребёнка заявляет о себе поведением, напоминающим сюжетно-ролевые игры, характерные для детства.

Сказка «Терёшечка» показывает, что наивность и простота являются условием обретения возможности встречи пожилого протагониста с ноуменальным объектом.

В качестве ещё одной иллюстрации про-

стоты и наивности пожилого героя волшебной сказки, которые выступают необходимыми условиями развития его личности, является сюжет русской народной сказки «Кривая уточка». В этой сказке мы сталкиваемся с примером развития вспять – регресса личности.

Жили-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес и нашли уточку. А уточка была кривая. Они её взяли и принесли домой. На завтра опять пошли за грибами, а ей сделали утёче гнездышко из перьев.

В отсутствие стариков уточка оборачивается девушкой и выполняет всю домашнюю работу. Однако они узнают от соседей, что «у вас тут кривенькая девушка воду носила».

Вот дед и баба и на завтра ушли да и спрятались в чулан. Уточка обернулась девушкой и пошла за водой. А дед да баба выскочили да ей пёрышки и бросили в печь. Пёрышки все и сгорели.

Тут пришла девушка и заплакала.

Далее сюжет разворачивается таким образом, что девушка вымалывает у пролетающего гуся пёрышки, становится опять уточкой и улетаёт. Заканчивается сказка следующей фразой: «Поплакали дед с бабой да ничего не выплакали» [10].

Сказка «Кривая уточка» показывает, что одинокие старики за бескорыстную заботу о уточке, случайно найденной в лесу, обретают ноуменальный дар: уточка-девушка как дочь помогает им в старости. Однако пожилые герои сказки не выдерживают испытания и в итоге лишаются чудесного дара.

Сюжет сказки содержит прямое указание на то обстоятельство, что регресс личности пожилого протагониста имеет место там, где нарушен естественный ход событий, где наивность уступает место расчётливости и целенаправленной активности. Такое поведение пожилого героя волшебной сказки не позволяет ему выдержать испытания или лишает ноуменального дара, поскольку в его дальнейших действиях отсутствуют простота, наивность и бескорыстие в качестве определяющих характеристик личности протагониста.

Можно говорить о том, что волшебные сказки отражают представления об основаниях эффективности личности пожилого человека в социуме. И эти представления отличаются от культивируемых в наше время, поскольку они показывают несостоятельность некоторых форм активности, к которой подталкивают людей пожилого возраста «культурные образцы», формирующие рыночные модели пове-

дения для достижения успеха на современном рынке личностей: «в последние несколько веков западный человек просто одержим идеей труда, потребностью в постоянной активности. Он почти не в состоянии оставаться без дела хоть малое время... Вынужденная активность – симптом нарушения нормального функционирования человека» [13].

Отображение волшебной сказкой пожилого протагониста как человека, достигшего уникального состояния невинности, простоты и естественности, совпадает с представлениями Э. Эриксона о том, что утверждение своей собственной жизни как состоявшейся, наступает на этапе переживания седьмой психосоциальной стадии жизненного цикла (25–50/60 лет), после обретения способности к саморазвитию, трансценденции или преобразования частных амбиций [14].

В сказках, героями которых являются пожилые люди, можно встретить контрастные персонажи. Рассмотрим в качестве иллюстрации русскую народную сказку «Золотой топор».

Один старик пошёл в лес дрова рубить, подошёл к озеру, сел на берег и нечаянно уронил топор в воду. Сидит он и плачет. Вдруг из воды выходит чёрт и спрашивает: «Чего, старый, плачешь?» – «Топор утонул». Ушёл чёрт в воду и через недолгое время приносит серебряный топор и спрашивает: «Твой топор?» – «Нет, – отвечает старик, – не мой». Чёрт снова ушёл в воду и приносит ему топор – теперь золотой. Спрашивает: «Твой топор?» – «Нет, отвечает старик, – не мой». В третий раз чёрт вынес старику его собственный топор. И спрашивает: «Твой топор?» – «Мой, мой!»

Тогда чёрт подарил старику все три топора, и пошёл старик домой с радостью.

Сказка показывает старика простым и невинным, что делает его похожим на ребёнка. Однако это не наивный юноша, ещё не знакомый с жизнью, а человек, достигший зрелости. Он возвратился в состояние невинности уже после того, как «пожил в мире». Трансформация такого рода рассматривается в качестве общей метафоры духовного просветления [13, 14].

В качестве контрастного персонажа сказки выступает сосед старика, который сознательно отправляется к озеру за соблазлившей его наградой.

У старика имелся жадный сосед, которому тоже захотелось получить золотой и серебряный топоры. Пришёл он к озеру, бросил

свой топор в воду, сидит, горюет. Выходит из воды чёрт, спрашивает: «Что ты горюешь?» – «Да топор потопил». Ушёл чёрт, потом приносит ему серебряный топор и спрашивает: «Твой топор?» – «Мой, мой, чур, мой!».

А чёрт ушёл с топором и больше не выходил из воды. Так он и остался без топора [3].

В этой сказке прослеживается определённая последовательность сюжетов. В первой её части, в небольшой символической детали содержится замечание, что старый человек может примириться со своей утратой. Несмотря на то, что потеря представляет для него чрезвычайную ценность, он не принимает чужой топор, ещё более ценный, и тем самым превосходит свои личные амбиции. Э. Эриксон называл это явление производящим – переоценкой Эго и поиском новых форм поведения [14]. Старый человек в волшебных сказках способен входить в уникальное состояние простоты и естественности. Именно в этом состоянии протагонист оказывается способным менять своё отношение к честолюбивым личным целям.

Таким образом, можно считать, что сказки о пожилых в отличие от сказок, представляющих молодых героев, отражают процессы смены личных интересов трансцендентными, они сфокусированы на трансперсональных задачах развития личности протагониста.

В психологии термин «трансперсональное» имеет отношение, прежде всего, к состояниям бытия или сознания сверхперсонального уровня, а также к любым попыткам лучшего понимания таких состояний или актов, протекающих через личность, но существующих вне личностного уровня. Термин «трансперсональное» отражает взгляд на психическое содержание в чём-то более богатое, чем индивидуальная личность и выражающее её трансцендентные возможности [16].

Анализ мотивов поступков пожилых героев волшебной сказки позволяет утверждать, что находящийся в мире с самим собой, обретший мудрость пожилой протагонист способен демонстрировать уникальную способность, которая не упоминается в сказках о молодых: способность освободиться от иллюзий и достичь просветления.

Рассмотрим в качестве примера болгарскую сказку «Светящаяся рубашка».

Жил-был бедный старик один-одинёшенек. Характер у него был неуживчивый, он то и дело ворчал и сердился, отчитывая воображаемых детей и внуков.

Очевидно, что в этой истории имеет значение тот факт, что старик очень одинок. Однако его воображение населяет дом многочисленной роднёй. Этот эпизод поясняет, что герой сказки остро переживает кризис, связанный с проблемой динамики поколений, рассматриваемый Эриксоном как восьмая стадия жизненного пути человека [14]. В конце путаной жизни ему угрожает безысходное отчаяние из-за отсутствия преемственности личности во времени.

Но дети не унимались, и он срывал зло на рубахе. Как начнёт её охаживать кулаками. Выбившись из сил, он оставлял рубаху в покое и садился перевести дух. Так продолжалось изо дня в день.

Отношение старика к собственной рубахе показывает внутреннюю борьбу, попытку обрести покой и уравновешенность, достичь целостности.

Можно предположить, что сказка иллюстрирует механизм психологической защиты, позволяющий пожилому герою оставаться самим собой, удерживаться от самообвинений и переносить агрессию с себя и окружающих людей на персонифицированную рубаху. В этом контексте можно рассматривать рубаху в качестве проекции или воплощения той части личности героя, на которой лежит ответственность за обретение наследников, за осуществление преемственности.

Чем яростнее колотил он свою полотняную рубаху, тем белее она становилась, пока не засверкала как солнце и даже ярче. Куда бы старик ни пошёл, вокруг делалось светло.

Рубаха символизирует нереализованную потребность в заботе и взаимной ответственности, а также, что представляется особенно важным, пробудившиеся трансперсональные цели. В данном случае «светящаяся рубаха» может рассматриваться как архетип самости, духовная сущность или «высшее Я» главного героя.

Слух о чудо-рубахе достиг ушей самого царя. «Идите и принесите мне эту рубаху!» – приказал царь своим слугам.

Старик не руководит всем ходом событий, но, нуждаясь во внимании и поддержке, он вознаграждён светящейся рубахой, благодаря которой сам получает статус, заслуживающий царского внимания.

Царские слуги застали старика, когда он зашивал рубаху и при этом ругался: «Так тебе и надо, старый хрыч. Женился бы, как люди, старуха бы тебя обшивала. Нет, старуха

глазами слаба, где ей нитку в иголку вдеть! Пусть лучше дочка займётся этим делом. Бери иглу, шей». Покрикивая на мнимую дочку, старик залатал рубаху. Только хотел её надеть, как ввалились царские слуги.

Взяли слуги рубаху, отнесли царю. Он приказал положить её на видном месте. Смотрит: рубаха лежит – не светит. Рассердился царь. Потребовал, чтобы доставили старика во дворец, живого или мёртвого.

В преобразовании личных целей в трансперсональные убеждает то обстоятельство, что рубаха перестаёт светиться в ситуации, когда её свет служил бы личным целям её владельца.

Когда старика привели во дворец, царь воскликнул: «Как ты смел, обмануть своего царя! Дал мне никудышнюю рубаху. Где та, что светится? Признавайся!». – «Нету у меня другой рубахи». Тут все заметили, что на старике нет рубахи. Кафтан надет на голое тело. «Ладно, тогда надень эту!» – приказал царь. Не успел он надеть свою старую рубаху, как зал озарился ярким светом. «Значит, эта никчёмная рубаха светится только на тебе, старый хрыч!» – воскликнул царь. – Раз так, оставайся во дворце, будешь мне светить!» – «Отпусти меня, батюшка-царь, на часок домой!» – взмолился старик. – У меня там старуха осталась, внуки малые... Я хочу с ними проститься».

Царь отпустил старика попроситься с родными, но старик не пошёл домой. Он удалился в лес, разорвал светящуюся рубаху на куски и развесил лоскутки на деревьях. «Светите бедным дровосекам», – сказал он. Пропал старик. Никто не знает, куда он девался. А лоскутки его рубахи и сейчас по ночам светятся в лесу [1].

Наиболее важным представляется то обстоятельство, что волшебная сказка показывает пожилого протагониста способным осознать значение, смысл встречи с ноуменальным даром. Она содержит указания на то, что личная просветлённость – это ещё не окончательная цель развития. Такой целью является просветлённый мир. Происходит отождествление целей деятельности старика не с личными целями, а скорее с позитивными целями общества. Герой этой истории не остаётся во дворце, хотя статус царского слуги, несомненно, является персонально значимым. Его светящаяся рубаха служит иной цели, а потому старик развешивает лоскутки своей рубахи на деревья в глухом лесу, чтобы они светили

во тьме любому. Сам протагонист не получает ничего для себя, он исчезает или умирает, что только подчёркивает надличностное значение происходящего. Действительно, существует традиционное нравственное представление, что личное спасение ещё не сама вершина, предпочтительнее освобождение мира [13, 16].

Ещё одна тема волшебных сказок о старшем возрасте – это уникальный феномен возвращения на ранние стадии развития. По внешним признакам можно говорить о развитии, повернувшись вспять, регрессе на ранние психологические этапы. Но такой регресс представляет только внешнюю сторону событий, на самом деле способствуя духовной трансформации героя сказки. Русская народная сказка «Чудесная курица» может служить иллюстрацией вышеизложенного:

В тридесатом царстве жил старик со старухой в нужде и бедности. У них было два сына, летами малы, на работу идти – не сдюжат. Поднялся сам старик, пошёл на заработки. Ходил по людям, только и зашиб, что двугривенный. Идёт домой, а навстречу ему горький пьяница – в руках курицу держит: «Купи, старичок, курочку!» – «А что стоит?» – «Давай полтину». – «Нет, брат, возьми двугривенный, с тебя и этого будет: выпьешь крючок, да и спать ложись!»

Вернулся старик домой, а дома давно голодают: нет ни куска хлеба. «Вот, курочку купил!» Накинулась на него баба и давай ругать: «Ах ты, старый чёрт! Совсем из ума выжил! Дети без хлеба сидят, а он курицу купил; ведь её кормить надо!».

Исследования в области когнитивной психологии указывают на то, что личность пожилого человека регрессирует в том плане, что уступает молодым в ситуациях, требующих проблемных решений, например, конкретные мыслительные операции начинают преобладать над абстрактно-логическими. Однако пожилые люди здраво пользуются более примитивными подходами к решению проблем. Они выглядят более свободными в общении с бессознательным материалом, что указывает на очевидное уменьшение у пожилого человека эффекта подавления [7, 16]. Далее сказочный сюжет развивается следующим образом:

«Молчи, много ли курица съест? А вот она принесёт нам яичек, да цыплят высидит, мы цыплят-то продадим да хлеба и купим...»

Сделал старик гнёздышко и посадил курочку под печкою. Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла [3].

Сказка «Чудесная курица» указывает на то, что старик не только регрессирует, возвращаясь в ранние психологические стадии, но вместе с тем он трансформирует ранние стадии развития (в нашем случае «анальную стадию») в нечто возвышенное – курица несущая чудесные яйца обеспечивает неисчерпаемое пропитание.

Сюжеты сказок, главным героем которых является пожилой человек, имеют параллели с традиционными восточными психотехниками медитации и саморегуляции, в которых достижение и освящение ранних уровней развития описываются как важнейшие элементы практики. Для того чтобы оторваться от (иллюзорного) мира «Мауа», личность должна опуститься к корню своих привязанностей, погружённого в глубины опыта. В этом случае понимаемый таким образом регресс, возможно, выступает формой освобождения личности и рассматривается как идеальный результат естественного процесса старения. В позднем периоде жизни происходит своего рода освящение ранних или глубоких уровней опыта, а личностное развитие уподобляется движению по кругу, где конец есть начало, что символизирует цикличность любых изменений [15, 16].

Таким образом, анализ русских народных и восточно-славянских волшебных сказок, в которых в качестве протагониста выступает пожилой человек, указывает на то, что более важная часть развития личности – осознание значения ноуменального опыта, освобождение от личных амбиций, переосмысление ранних уровней развития – приходится на поздний период жизни. Таким образом, именно духовная невинность представляется психологически обоснованной перспективой формирования и развития личности пожилого человека.

Литература

1. *Бесценные алмазы: сказки / под ред. Н. Янкова. – София: Болгарский художник, 1984.*
2. Венгер, Л.А. *Развитие восприятия в онтогенезе / Л.А. Венгер // Хрестоматия: учеб. пособие / под ред. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1987.*

-
3. Вошебные сказки // Библиотека русского фольклора. – Челябинск: Роса, 1992. – Т. 1.
 4. Дьяконова, Ю.Н. Якутская сказка (русско-якутские взаимосвязи) / Ю.Н. Дьяконова. – Л.: Наука, 1990.
 5. Ерёмкина, В.И. Ритуал и фольклор / В.И. Ерёмкина. – Л.: Наука, 1991.
 6. Запорожец, А.В. Значение возрастных периодов для формирования личности / А.В. Запорожец // Хрестоматия: учеб. пособие / под ред. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1987.
 7. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000.
 8. Леонтьев, А.Н. Индивид и личность / А.Н. Леонтьев // Хрестоматия: учеб. пособие / под ред. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1987.
 9. Миславский, Ю.А. Саморегуляция и активность личности / Ю.А. Миславский. – М.: Прометей, 1991.
 10. Наши сказки: русские народные сказки / сост. М. Боголюбская, А. Табенкина. – М.: Детская литература, 1969.
 11. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Л.: Наука, 1983.
 12. Солдатова, Е.Л. Психология нормативных кризисов взрослости: монография / Е.Л. Солдатова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005.
 13. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993.
 14. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996.
 15. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1992.
 16. Chinen, A.B. Fairy tales and transpersonal development in later life / A.B. Chinen // *The Journal of transpersonal Psychology*. – 1985. – Vol. 17. – № 2.

Поступила в редакцию 28 октября 2009 г.

Злобин Юрий Дмитриевич. Ассистент кафедры психологии развития Южно-Уральского государственного университета: 8(351)267-98-96.

Yrii D. Zlobin. Assistant of Department of Developmental Psychology, South Ural State University: 8(351)267-98-96.